

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Классическая философия и метафилософия

В течение июня 2020 года на кафедре истории зарубежной и отечественной философии института философии и социально-политических наук Южного федерального университета происходило обсуждение проблемы «метафилософии», инициированное статьей «Метафилософия: история и перспективы».

Автор статьи, профессор Васильев В.В. совершенно справедливо утверждает, что классическим философам было свойственно изучать вопрос о природе философии. Этот вопрос – метафилософский по своему существу: решая его, философ обращается к реальности идей, открывающихся в процессе чтения текста, и то, что подразумевается под объектом философского исследования является таким объектом, который открывается для познания при различении или отождествлении типов понимая текста, вызвавшего исследовательский интерес. И такой объект и составляет мыслительную реальность, собственно – сущность самой философии, в которой не может быть места однообразному определению ее «предмета» или «основного вопроса». Как еще в 1991 году было сказано на страницах журнала «Вопросы философии» А.Ф. Зотовым, основной вопрос философии «не имеет вида», поскольку предмет философии раскрывается в самый момент философствования. Основание философской веры в такой предмет, основание теоретизирования в данной области заложено в самом наличии философских учений, в которых может центральной идеей может выступать связь логики и онтологии, идея единства мышления и бытия. Тот смысл, который стоит за идеей, сформулированной еще одним «классическим» философом – Г. Гегелем - как «самосознающее мышление», существенен и централен для многих философских систем и учений.

В докладе М. Хайдеггера «Закон тождества» «мышление» предстает как «отличительный признак человека», мышление и бытие «взаимопринадлежны» друг другу, и само их тождество, по Хайдеггеру, было впервые открыто Парменидом. Действительно, в поэме Парменида мы находим бытийствующее мышление, в поэме бытие представлено как бытие истинное; оно есть то, благодаря чему и по поводу чего существует мысль. Далее, у Платона особое внимание уделяется тому, что есть философия: она имеет яркое отличие от других родов деятельности человека и несет свой онтологический статус. А Аристотель фактически представил философию как самовопрошающее себя знание: она есть «умозрительная» наука, которая занята «вечным» и «неподвижным», и благодаря самой своей «божественной» природе она имеет возможность заниматься таким объектом. Такой объект предельно всему, и мысль об этом объекте не может не быть выражена, эта мысль не может не говорить о себе. Это и показал Аристотель в предварении к первой философии, обратившись к тому, каковы были попытки у философов, живших ранее, выразить этот объект.

Онтологическая система, которая пронизана мыслью о себе, имеет много философских выражений, и в достаточно очевидном виде представлена и в философии М. Хайдеггера, который утверждает в «Письме о гуманизме», что «мысли есть вовлеченность со стороны истины бытия и для нее», и что при этом «мысль относит к бытию то, что дано ей самим бытием». Здесь бытие реализуется (как «содержательное вступление в истину бытия»); оно нацелено на себя же и от себя же и происходит. Но даже если мы пойдем не по «онтологическому» коридору, а проследим, к примеру, за постановкой задачи «трансцендентального» исследования И. Канта, то увидим, что вопрос о том, что есть

философия – сохраняется. Исследование познавательных функций тоже приводит философа к ответу на закономерный вопрос – что есть философия. Но я предлагаю обратиться к античной философской классике, чтобы включить взгляды Платона на природу философии в контекст поставленных В. Васильевым проблем «метафилософии». Таким образом поставлена следующая цель – добавить содержание познавательных задач, поставленных Платоном, исходя из тех определений философии, которые они дали.

Начнем с того, что зафиксируем следующее: слушатель философских бесед является слушателем «прекрасных и благородных рассуждений, усердно и всеми средствами доискивающих истины ради познания» (Rep. VI 499a). Философия – это прекрасное занятие, ведущее человека к истине. Что еще можно здесь представить, кроме обычно относящейся к общим характеристикам учения Платона идее объединяющего познавательные и поведенческие активности человека божественного принципа, подчиняющего себе частные попытки что-то познать, или дать чему-то определение?

Философия это «высочайшее из искусств» (Phaedo 61a), и это определение философии лежит в основании различия содержания скрытых и выраженных в тексте споров о природе философского знания. Если одно из классических определений философии содержит в себе слово «искусство», то насколько в дальнейшем развитии философия вообще может иметь научную форму, иметь вид системного знания, иметь сам вектор развития, и в какой степени включает в себя интуитивные решения и насколько представляет собой «поток мысли» о сущем?

Те, кому посчастливилось быть причастным занятиям философией «узнали, какое это сладостное и блаженное достояние» (Rep. VI 496c), и это означает, что цель занятия философией нелегко дается для понимания многих людей. Большинству людей не понять, для чего философия нужна и какая от нее польза. Но если философы настолько значительны и прекрасны, как считает Платон, то почему тогда большинством людей не замечается выгода занятия философией? Почему расхоже мнение о бесполезности философии, и о том, что в управлении государством от философов пользы не будет? Платон предлагает такой ответ: в том, что философы не пользуются заслуженным почетом, вина тех людей, которые не понимают значения философии. Мнение о ее бесполезности – это мнение толпы, живущей, не задумываясь над бытийными проблемами. Толпа неизбежно порочна, и ей потакает система софистического воспитания, игнорирующее важность изучения бытийных проблем, и предлагающее поверхностные и даже вредные для благоустройства государства темы для обсуждения.

Но «те, кто подлинно предан философии, занятые на самом деле только одним – умиранием и смертью» (Phaedo 64a). Какой теперь оттенок приобретает благо занятия философией? Здесь чувствуется непреодолимое стремление к миру, превосходящему собой мир явлений, природы и вещей. Такая нацеленность, выраженная в философском диалоге в общем-то рациональными средствами, Платоном подкрепляется и средствами мифологии. В его диалогах имеются воззвания к богам, цитирования и перефразирования Гомера и Гесиода, есть и мифы, придуманные самим Платоном, и не всегда мифологическая составляющая его учения дает нам какой-то позитивный ответ, бывает и так, что приведенные Платоном мифы представляют собой материал для проводимой им же философской критики. За определением философии, взятом из «Федона» стоят следующие идеи Платона: постигать истину в адекватном виде мы можем только средствами мысли, не ограниченной чувственными данными; мысль достигает идеальной области, главенствующей над миром фактов и вещей; необходимо способствовать чистому интеллектуальному началу; и сама цель познания, объект философского исследования в своем цельном виде и по своей природе принадлежит потустороннему миру. Соответственно этим положениям, можно представить себе наличие чистой философии

мета-уровня, но тогда она должна соответствовать идеалам платоновского понимания природы философского знания.

Идеальная область, «царство идей» есть элементы подлинной действительности, и объекты философского познания. Уже в упоминаемом «Федоне», доказывая бессмертие души, Платон говорит о том, что если нам надо сравнить два любых объекта, то до всякого сравнения мы должны знать о «равном самом по себе» (Phaedo 75a), и об этом «равном самому по себе» мы должны знать еще до того, как начинается чувственное познание. То есть, владение знанием о феноменах «самих по себе» (само «равное», большее, меньшее, прекрасное, доброе) есть гарант познания бытия; а философия и есть владение этими феноменами. И такими феноменами являются «идеи», так как Платон утверждает: все, что мы «помечаем печатью «бытия самого по себе» (Phaedo 75d), есть «сущности», находящиеся в подлинной, надфактической реальности.

Считается, что античное философское наследие может работать на конкретные задачи автора, содержание классической философии привлекается для решения или постановки тех или иных философских вопросов. Сам по себе текст Платона создает множество удобных случаев выйти на «мета»-текстологический уровень. Одним из способов этого выхода является практика подключения формально-аналитического подхода к текстам классических философов. Такая особенность обращения к античности связана со всеобщим лингвистическим поворотом в философии, а так же и с утверждением античной философии в качестве обязательной части курса «философия», что произошло уже во второй половине 20 века. Не избежал выхода на «мета»-уровень через аналитический подход к тексту и приведенный выше фрагмент из «Федона» о доказательстве бессмертия души через аргумент «знания как припоминания». Этот фрагмент предстает в книге Дэнси «Введение Платона в учение о формах». Исходя из этой позиции, перед нами уже не «теория припоминания» как апелляция к знанию идеальных вещей «самих по себе», а следующее: субъект А, постигающий объект Y, и в акте постижения объекта Y, и благодаря этому акту, субъект А знает некоторый другой объект Z (то есть, вещи идеального порядка), который не является объектом Y. Предполагаемая онтология, стоящая за доказательством бытия бессмертия души как таковая уходит, а на первый план выступают задача поиска слабых мест в аргументации Платона, демонстрация подлинных задач, которые он ставил: ответить на вопросы, когда именно человек может знать что-то до рождения, или знать что-то после рождения, в каком объеме, в какой доле и так далее.

Но давайте вернемся к прямому «платонизму», к платоновской «самости», к вере в существование тех объектов, которые описывает Платон. Необходимая «самость» идеальных объектов как предметов философского знания появляется часто: философ способен «созерцать то, что есть справедливость или несправедливость сама по себе» (Theaet 175c), и в «Геэтете» описано как философское знание влияет на приобретение правильного образа жизни, действенной познавательной установки по отношению к миру вещей, и даже на судьбу человека после смерти. Поэтому-то философы должны управлять государством, раз они «это люди, способные постичь то, что вечно тождественно само по себе, а другие этого не могут» (Rep. VI 484b), и все позитивные характеристики, которые Платон дает философам – не случайны. Их наличие обусловлено тем, что философ обладает «соразмерностью и прирожденной тонкостью ума», что и делает его «восприимчивым к идее всего сущего» (Rep. VI 486d-e).

Выход на идеальные объекты и работа с объектами такого порядка как раз и предполагает некий метафилософский уровень, о природе и значении которого можно спорить. В статьях первой части данного выпуска зафиксированы размышления коллег о «метафилософии». Статьи же второй части выпуска посвящены темам «труд» и

«разделение труда», и инициированы они нашим московским другом и исследователем Тарасом Шияном, за что ему отдельное спасибо.

Андрей Тихонов